

КОНЦЕПТ ДЕРЕВО ИЛИ «ОДА КАРАГАЧУ»*

Х.С. Мухамадиев

Кафедра русской филологии, русской и мировой литературы
Факультет филологии, литературоведения и мировых языков
Казахский национальный университет им. аль-Фараби
проспект аль-Фараби, 71, Алматы, Казахстан, 050040

Л.Ж. Мусалы

Кафедра теории и методологии перевода
Факультет филологии, литературоведения и мировых языков
Казахский национальный университет им. аль-Фараби
проспект аль-Фараби, 71, Алматы, Казахстан, 050040

Статья посвящена творчеству современного выдающегося поэта Олжаса Сулейменова. В поэтических текстах разных авторов образ О. Сулейменова сопоставляется с образом жизнестойкого дерева. В статье подчеркивается, что стихам Сулейменова присуща красочная образность и метафоричность. Заголовок поэмы О. Сулейменова «Земля, поклонись, человеку» как авторская строка и стихотворение «Карагач» стали интертекстуальным мостом для поэтических текстов его последователей.

Ключевые слова: Сулейменов, концептуализация, символ, концепт, образ, русскоязычная литература, интертекстуальный, дерево, карагач, фитоним, фитотопоним, поэтический текст, интертекст, автор, словарь, гений.

Концептуализация поэтических образов деревьев в казахской русскоязычной литературе в первую очередь связана с именем Олжаса Сулейменова, считавшим, что *дерево* в степи — это символ одиночества. Его строки «*Плоская степь не любила торчащих деревьев*», как и «*Возвысим степь, не унижая горы*» уже стали афоризмами.

В 2006 г. к 70-летию Олжаса Сулейменова была издана книга Бекета Карашина «Почтение земли: поклон человеку (эссе, стихи)». Редакционная коллегия в составе известного триязычного писателя Г.К. Бельгера и ученого-востоковеда, культуролога М.М. Ауэзова одобрила выпуск данной книги, в которой особое место занимают тюркологические этюды и эссе автора в разделе «По тропе Олжаса» [1. С. 41].

Заголовок книги «Почтение земли...» как интертекстуальная переключка с поэмой О. Сулейменова «Земля, поклонись человеку» начинается с цикла стихов, посвященных О. Сулейменову. Стихотворение «Слово Земли сыну Солнца» предваряется риторическим вопросом и заканчивается рефреном с доминантой лексемой *гений* в финале:

Как мне назвать того: кто светит ярко, как софит... кто ищет, пишет и творит язык письма в пыли забвений? Возможно, — гений?

* Рец.: проф. А.Б. Темирбулат (КазНУ им. аль-Фараби, Институт филологии); проф. Ж.К. Ибраева (КазНУ им. аль-Фараби).

Перенеся, как мудрый стоик, всю тяжесть обвинений, измен, душевных перестроек, трудов, открытий, столкновений, сын Солнца, ты — мое прозренье, тебе нет места в лоне смерти, быть может, — гений?, конечно — гений!, живи и здравствуй, друг мой, ГЕНИЙ! [1. С. 7].

Строки, в которых выведен образ почитаемого поэта, соотнесены со стихами «Ода Карагачу»: «*Я — саксаул*», олицетворяющими судьбы людей, стойко противостоящих трудностям и невзгодам [1. С. 65]:

Много разных деревьев на свете / Поэтами разными были воспеты. / Пора и в честь «кара-агаша» наполнить бокалы или же чаши, выпить вино, как дерево воду, стихи сочинить. / Желательно, ОДУ! [1. С. 66].

Почтительное отношение к дереву в казахской культуре основано на вере в его целительную силу, на одушевлении его. В мифах тюркских народов зачастую рассказывается о деревьях-тотемах [2. С. 164].

На территории Казахстана не так много лесов, но среди топонимов встречаются повторяющиеся названия, в состав которых входит слово *агач*. Например, *Узунагач* ‘высокое дерево’ — районный центр в Алматинской области, *Сарыагач* ‘желтое дерево’ — район в Южно-Казахстанской области, *Кызылагач* ‘красное дерево’ — поселок в Алматинской области, *Бесагач* ‘пять деревьев’ — поселок под г. Алматы.

Как природный символ *дерево* и его особенности во многих культурах соотносятся с характером человека. В восточных культурах утверждается, что характер человека соответствует одному из деревьев: деревья, как и люди, бывают одинокими, сильными и слабыми, молодыми и старыми. Выдающийся турецкий поэт Назым Хикмет в стихотворении «Старый вяз» уподобляет себя дереву:

Я — старый вяз, что в парке Гюльхане, и в шрамах и в ожогах. / Моя листва — сто тысяч моих рук — дотронусь до тебя и до Стамбула. / И там, во власти листовенного гула, обнять тебя хочу сто тысячами рук. / Я — старый вяз, что в парке Гюльхане.

Последняя строка повторяется шесть раз, и этот рефрен создает особый ритм, высвечивая основную мысль автора [3. С. 290].

В «Словаре народных географических терминов» Э.М. Мурзаева статья *агач* информирует, что это слово означает ‘лес, роща, дерево (тюрк)’, оно часто встречается в тюркоязычной топонимии как варианты: *агаж, агаши, агас, агыч, йагач* [4. С. 37].

В статье *кара* подчеркнута, что в Казахстане — «это сопка и сравнительно крупная другая возвышенность, сложенная из твердых горных пород с частыми обнажениями, обычно темного цвета. Силуэт возвышенности, вырисовываясь на горизонте, издали кажется темным, отсюда и название. В настоящее время не употребляется как живое слово, *кара* часто входит в состав сложного географического названия типа *Джетыкара, Бериккара, Иманкара, Уикара, Аманкара*» [4. С. 256].

В этих семасиологических разъяснениях лексемы *кара* безусловный интерес представляют значения ‘крупный, темный, твердый’. В «Казахско-русском словаре» в статье *кара* приведены его переносные значения на русском языке: «*каракуш* — ‘мощная физическая сила’, *кара-терек* — ‘черный тополь, могучий тополь’, *кара-орман* — ‘черный лес, несметное богатство’ [5. С. 478].

Подтверждением тому, что слово *кара* чаще означает не только цвет, служат гидронимы на большом пространстве Евразии. В Казахстане множество рек имеют название *Карасу* и *Аксу*, но ‘вода’ (*су*) в реках под названием *Карасу* светлее и прозрачнее. Это связано с тем, что реки, питаемые снегами, называются *Аксу* (букв. Белая вода), а подпочвенными водами — *Карасу* (букв. Черная вода). Поэтому чаще всего название реки оказывается противоположным цвету ее воды, ведь талые воды всегда мутнее родниковых.

В словаре географических терминов фитотопоним *карагайник* истолковывается как ‘невысокий лес’. *Карагай* — тюрко-казахский фитоним русского названия ‘сосна’, или ‘*pinus*’. В слове четко выделяются две части: *кара* и *гай*. Казахское *тогай* — ‘лес, пойменный лес’. На Украине *Гай* — ‘молодой лиственный лес, дубрава, роща, кустарниковые заросли»; В Белоруссии — ‘небольшой сосновый лес’. Автор словаря отмечает, что «нужно отличать топонимические ряды, сложенные тюркскими словами: *карагай* — ‘лиственница, сосна, хвойный лес’ и *караган* — ‘кустарниковые акации в Средней Азии, Казахстане и на юге Сибири’» [4. С. 257].

Лексикографические данные позволяют отметить, что семантика фитонимов *карагач* и *карагай* не может быть сведена к простому объяснению ‘черное или темное дерево’.

Влияние О. Сулейменова на Б. Карашина сказалось на выборе ключевых концептов и на интертекстуальной переключке поэтических образов. Б. Карашин не случайно обращается к образу *кара-агаши*, чтобы наделить его символическими свойствами:

Черное дерево, — кара агаши, король лесостепи, ее страж, зеленая крона — твоя корона. / А мощные корни — вместо трона, ты не строен и не кудряв, не очень красив, изрядно коряв, но ты жизнестоек, неприхотлив... / Жаль, не избрал предшественник наш тотемом тебя, кара агаши. / Ты — очаг, шанырак и крепость, Оды мало, тебе нужен Эпос [1. С. 65].

Образ *черного дерева* у О. Сулейменова был выведен в сборнике «Доброе время восходов», изданном в 1964 г., в котором поэтический цикл «Черное дерево» начинается стихотворением, посвященным А. Пушкину — «На площади Пушкина», и заканчивается «Хлебной ночью» [6. С. 151—207]. Стихотворение «Карагач», написанное в 1961 г., в «Избранном» помещено в цикле «Госпожа пустыня» [7. С. 76].

Интересно, что в книге «Доброе время восхода» «Карагача» нет в цикле «Черное дерево», также как и нет эпитета *черный* в стихотворении «На площади Пушкина», сравните:

Поэт красивым должен быть, как бог. / Кто видел бога? Тот, кто видел Пушкина. / Бог низкоросл, и всякий видеть мог его с тяжелыми арапскими губами [6. С. 151].

Эпитет *черный* занимает особое место в поэтической картине мира Олжаса Сулейменова. В «Избранном» в стихи о Пушкине уже в цикле «Кучевые облака» автор добавляет эпитет *черный* с аксиологичным значением [7. С. 162]:

Бог низкоросл и черен, как сапог, с тяжелыми арапскими губами.

Сулейменов дословно переводит казахский орнитоним *караторгай* ('черный воробей') и создает стихотворение «Черный жаворонок», в котором доминирует ключевая фраза *жаворонок — гений жизнелюбый*.

Эпитет *черный* последовательно вырастает до значений 'крепкий духом' — *жаворонок*, 'могучий телом' — *карагач*, 'великий и гений' — это *Пушкин*. В роли текстемы он присутствует в контексте заголовков: «Красный гонец и *черный* гонец», «*Черный* жаворонок», «*Черный* лебедь в белой стае», «*Черное* дерево». Как контекстема, он выражает основную мысль текста: «*Черный* и белый конь — бросают *черные* тени», «*Черный* вожак, сохранивший стадо в джут», «*Каракум*... созвучья белое и *черное*», «Кочует с *черных* гор весной аул», «*Черные* ели на днище ущелья», «К *черному* кругу жметса жизнь», «В твоей душе утонет *черный* клавиш», «и серые снега, и *черные* проселки». В стихотворении «Хлебная ночь» о тружениках-целинниках ключевые слова *черный* и *надежный* становятся синонимами: «...те же длинные лица, *Чернее* целинной земли», «он за штурвалом, *почернелый*, усталый», «кроме самых *надежных* парней», «тракторист пил из кружки Холодную *черную* воду» [7. С. 19].

Для Сулейменова самый ценный образ — это *народ-дерево*, чьи корни мощно ветвятся в отчей земле, а взлетевшая и раскинувшаяся крона касается, переливаясь в листе соседних деревьев. При создании этого образа поэт мастерски использует эпитет *черный*, который при более глубоком рассмотрении оказывается больше чем эпитет. Национальный колорит его стихам во многом придает образ *карагаши*. В творчестве поэта, усвоившего мировые достижения новейшей поэзии, образ *карагача* — олицетворение его новаторства в русскоязычной лирике. Свежесть восприятия и выражения предметного мира и эмоций отчетливо прослеживается в том, что у Сулейменова сонности и статичности растений противопоставлен динамичный, но *одинокий карагач на ветру*:

Смотри, на кургане, где ветер поет, где слышится волчий плач, / вцепившись корнями в сердце мое, шатаясь, стоит карагач. / В глубоких морщинах коричневый ствол... Ломают бури, / но он упрям — маяк пустынных степей, стоит, развернув навстречу ветрам плечи черных ветвей [4. С. 76].

Энергия стиха о связи сердца поэта с корнями дерева, открытого ветру, делают сравнительную характеристику образа *карагача* со *спасительным маяком* необычно динамичной. Этот яркий образ Б. Карашин берет за основу, чтобы вернуть свою главную тему. Таким образом, «Ода карагачу» становится поэтической находкой и юбилейным подарком О. Сулейменову, процитируем:

Черное дерево, — кара-агаи, Ты защищаешь стень от набегов снежных метелей, пустынных бурь, однако нет тебя в песнях и негах... / Ты не изнежен, не знаешь

ласки, груба землистого цвета кора, а эти морщины, словно на маске, рубила стужа, морила жара. / Ты часто растешь одиноко, будто кем-то отринут, покинут, так отшельник живет ради бога... / Искал находил у тебя уют путник... было ему уютно, как в юрте, ты — спасение в степи, ты — оазис [1. С. 65].

В этом произведении кто-то увидит лишь красочный образ дерева из семейства вязов, а кто-то — черты личности поэта-гражданина, сыгравшего исключительную роль во главе общественного антиядерного движения «Невада — Семипалатинск».

Образ выдающейся личности, одинокой, не до конца понятой, в литературе стремятся передать через метафорический образ *одинокое дерево*. Таков образ великого поэта Абая в зеркале судьбы *могучего одинокого чинара* в романе М. Ауэзова «Путь Абая», сравните:

В безлюдной и бездорожной степи росло одинокое дерево. С надеждой и радостью раскрывало оно свои листья навстречу каждой весне. Каждый год оно цвело, а семена его ветер уносил в широкий мир. Но вот однажды молния ударила в одинокое дерево и расцетила его.

Когда обратил могучий чинар свой дерзновенный вопрос к небу?

Только тогда изрек поэт свою грозную жалобу и свой приговор [8. С. 358].

Если обычные деревья в основном растут в защищенных от ветра местах, то *карагач, как и чинар*, зачастую растет на открытой местности. Б. Карашин, опираясь на эту особенность, поэтически воспроизводит реальные черты своего героя. Читатель же получает «удовольствие от такого интертекста» (см., в частности, работы: Ролана Барта, Натали Пьеге-Гро).

Не являются исключением и стихи Т. Есимжанова «Одинокое дерево в степи» и баллада А. Шамкенова «Одинокий миндаль» о судьбе поэта. Концепт *одинокий* в обоих случаях вынесен в заголовок и выполняет смыслообразующую функцию, сравните:

*Как ты, дерево, здесь оказалось, / В сердцевине равнины глухой? / Вызываешь щемящую жалость / Ты своей бесприютной судьбой. / Степь окрест распахнулась широко, / Небеса — неоглядней морей. / Что ты делаешь здесь **одинок** / Как живешь — без врагов и друзей? [9. С. 56].*

*Равнодушен он к почестям / В шелестении их, / **Одинокому** хочется / Слов каких-то иных. / Потому-то наверное, / Машет веткой вдаль / **Одинокое** дерево / Горемычный миндаль / Разлучен он с деревьями / Злою долей своей, / И понятно теперь ему / Лишь молчанье людей [10. С. 50].*

Тема «одинокое дерево» в казахской литературе восходит к творчеству поэта Ақтамберды, жившего на рубеже XVII—XVIII в. Тема *одиночества* у жырау (народных сказителей) была связана, прежде всего, с происхождением человека. В поэтическом воображении жырау — растущее в степи дерево — становилось символом статуса независимости. Подобная связь сознательного и бессознатель-

ного пробуждало внутреннее брожение поэтического ума — *дерево* субъективно и коллективно трактовалось как нечто священное.

У человека, живущего на степных просторах, к деревьям с давних пор остается уважительное отношение. Такой взгляд на вещи равным образом предполагает, что начальная интенция степняка — сакрализация *дерева*, чтобы избежать ощущения одиночества. Но у одиночества есть и обратная сторона. Оно закаляло характер, учило рассчитывать только на себя и достойно нести уготованной судьбой ношу бытия, например:

Я одинокий тополь в степи, / Не дрогну, даже если и ветер ударит наотмашь. / Я ветка сосны, / Под топором и то не расстанусь с кроной. / Характером — сталь, лицом — железо, / Хоть камни мной руби — не притуплюсь [2. С. 176].

Одинокому *дереву* близок *саксаул* — невзрачное на вид дерево, но за приспособленность переносить недостаток влаги называемое *царем пустынной растительности*. Из-за малости влаги саксаул не имеет листьев. Их роль выполняют зеленые молодые побеги, которыми заканчиваются жесткие ветки. Эти побеги, образующие иногда густые метлы, в жару начинают постепенно осыпаться. В июле, в разгар летней жары их осыпается больше половины. С помощью такого «веткопада» ксерофильный саксаул регулирует свой водный режим. Саксаул *haloxylon* — ‘дерево с крепкой, как железо, древесиной’, зачастую растет *одиноко* в местах, где другое дерево не сможет выжить:

Я — саксаул, гордость пустыни, невзрачен, коряв, для взора постылый. / Я — саксаул, растущий в пустыне искусств, в равнодушных песках, в местах, где жизнь — редчайшее чудо... [1. С. 66].

Фитонимы *карагач*, *карагай* и *саксаул* нашли свое достойное место в литературе Казахстана, пополнив ряды метафорических образов в роли культурных символов-концептов. В поэтическом тексте они становятся яркими выразителями фоновой информации в целом и национальной картины мира. Экзистенции образов *карагача*, *карагая*, *байтерека*, *саксаула* соотносятся с символами крепости, жизнелюбия и долголетия.

В поэтическом очерке «Главное дерево Баянаула», представляющем собой также своеобразную «оду сосне», отмечено такое свойство дерева, как неприхотливость. По мнению автора, жизненная сила баянаульской сосны в том, что она встречается в самых неожиданных местах, непригодных для жизни, где нет воды. *Одинокие сосны-карагаи* растут на гранитных склонах и гребнях хребтов, подверженных напору ветров. Причудливо изогнутый ствол сосны сближает ее с саксаулом, а шершавая толстая кора, надежно защищающая дерево от ожогов, — с *карагачом*. На многое способны корни *карагая*. Если вода глубоко, дерево раскидывает свои корни густой сетью по поверхности почвы и ловит талые и дождевые воды. Необычная казахстанская сосна стала объектом художественного осмысления как уникальный тип растения, явно отличающийся от остальных.

В этой характеристике образа на первый план опять-таки выдвигается концептуальный аспект отдельности, непохожести, *одинокости, но жизнестойкости, твердости* и неповторимости [11. С. 15].

Таким образом, поэты и писатели не отбирают в природе лишь исключительные красоты, а *шершавый карагач, изогнутая сосна, железный саксаул, горемычный миндаль* нужны, чтобы показать твердость духа сына Земли, в XX в. защитившего свою степь от ядерного облучения, процитируем:

Может, стало б ты выше и крепче, коль росло бы в дубраве густой. / Может, сильный сосед твои плечи / Заслонил бы от солнца собой... / И какими на свете словами / Можно было б утешить тебя? / Видно всякому, как тебе трудно, / И найдется ли в мире знаток, / Кто бы понял и речь твою мудро / Человеческим словом изрек? / Как беда ледяною метелью / Или зноем тебя не сожгла? / Стала степь золотой колыбелью / И как сына тебя сберегла [8. С. 57].

Очевидно, что в каждой строчке, в каждом слове и образе О. Сулейменова и его последователей наблюдается стремление образно характеризовать человека как личность. Русскоязычное творчество О. Сулейменова уходит корнями в родную землю, в казахские литературные традиции. Олжас Сулейменов может выражаться с лингвистическим изяществом, необыкновенно образно, как в стихотворении «Карагач». Но язык поэта может быть и простым, предельно разговорным, как в «Хлебной ночи». Тема родины, ее история присутствует почти в каждом его произведении. Поражает словарно-образное богатство языка его поэмы «Земля, поклонись человеку», соединенное с необычным ритмическим разнообразием. Поэзия Олжаса Сулейменова подобна фреске, где каждый мазок, каждый образ, — плод глубоких раздумий и обобщений и одновременно — источник поэтических находок для молодых поэтов, воспевающих человеческое достоинство.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Карашин Б.* Почтение земли: поклон человеку (эссе, стихи). — Алматы, 2006.
- [2] *Кодар А.* Степное знание: очерки по культурологии. — Астана: Фолиант, 2002.
- [3] *Канатьянов Б.* Каникулы кочевья: Переводы. — Алматы: ИД «Жибек жолы», 2003.
- [4] *Мурзаев Э.М.* Словарь народных географических терминов. — М.: Мысль, 1984.
- [5] *Сыздыкова Р.Г., Хусаин К.Ш.* Казахско-русский словарь. — Алматы: Дайк-пресс. 2002.
- [6] *Сулейменов О.* Доброе время восхода. Книга стихов. — Алма-Ата: Жазушы, 1964.
- [7] *Сулейменов О.* Избранное. — М.: Художественная литература, 1986.
- [8] *Ауэзов М.* Путь Абая: Роман-эпопея. Книга четвертая. — Алматы, 1997.
- [9] *Есимжанов Т.* Одинокое дерево в степи // Вечное сердце. Стихи, баллады, поэмы. — М.: Интер-Весы, 1994.
- [10] *Шамкенов А.* Мой голос: Стихотворения и поэмы. — Алма-Ата: Жазушы, 1981.
- [11] *Буренков В.М.* Главное дерево Баянаула // Баянаул. — Алма-Ата: Кайнар, 1979. — С. 15—21.

THE CONCEPT OF A TREE OR «ODE TO ELM»*

H.S. Mukhamadiev

Department of Russian Philology, Russian and World Literature
Faculty of Philology, Literature and World Languages
Kazakh National University n. a. al-Farabi
al-Farabi ave, 71, Almaty, Kazakhstan, 050040

L.Zh. Musaly

Department of Theory and Methodology of Translation
Faculty of Philology, Literature and World Languages
Kazakh National University n. a. al-Farabi
al-Farabi ave., 71, Almaty, Kazakhstan, 050040

The article is devoted to the contemporary creativity of the outstanding poet Olzhas Suleymenov. In poetic texts of different authors the image of O. Suleymenov is mapped to the way of sustainable tree. Poems of Suleymenov are inherent in colorful imagery, metaphors. The title of the poem by O. Suleymenov «Earth, bow, man» («Zemlya, poklonis, cheloveku») as the author's line and the poem «Karagatch» (Elm) became the intertextual bridge for poetic texts of his followers.

Key words: Suleymenov, conceptualization, the character concept, the image, the Russian-language literature, intertextual, tree, Kara-Agach, fitonim, poetry, intertext, author, dictionary, genius.

REFERENCES

- [1] *Karashin B.* Pochteniyе zemli: poklon cheloveku (esse, stikhi). — Almaty, 2006.
- [2] *Kodar A.* Stepnoye znaniye: ocherki po kulturologii. — Astana: Foliant, 2002.
- [3] *Kanapyanov B.* Kanikuly kochevya: Perevody. — Almaty: ID «Zhibek zholy», 2003.
- [4] *Murzaev E.M.* Slovar narodnykh geograficheskikh terminov. — M.: Mysl, 1984.
- [5] *Syzdykova R.G., Husain K.Sh.* Kazakhsko-russkiy slovar. — Almaty: Dayk-press. 2002.
- [6] *Suleymenov O.* Dobroye vremya voskhoda. Kniga stikhov. — Alma-Ata: Zhazushy, 1964.
- [7] *Suleymenov O.* Izbrannoye. — M.: Khudozhestvennaya literatura, 1986.
- [8] *Auezov M.* Put Abaya: Roman-epopeya. Kniga chetvyortaya. — Almaty, 1997.
- [9] *Esimzhanov T.* Odinokoye derevo v stepi // Vechnoye serdtse. Stikhi, ballady, poemy. — M.: Inter-Vesy, 1994.
- [10] *Shamkenov A.* Moy golos: Stikhotvoreniya i poemy. — Alma-Ata: Zhazushy, 1981.
- [11] *Burenkov V.M.* Glavnoye derevo Bayanaula // Bayanaul. — Alma-Ata: Kaynar, 1979. — S. 15—21.

* Here ELM represents the *Kara-Agach* — the kind of Elm in the Middle and Central Asia (black tree — in the Kazakh language).